

Осенние поля в это время года были особенно прекрасны.

До созревания риса на заливных землях оставалось чуть больше полумесяца. После того как работы по удобрению были закончены, сельчане, не в силах усидеть дома, то и дело наведывались к своим наделам. Глядя на тяжелеющие колосья, которые обещали урожай никак не меньший, чем в прошлом году, люди наконец начали переводить дух.

Пока шло само удобрение, вся деревня кипела энтузиазмом, но стоило закончить, как многих охватила бессонница. В голову лезли запоздалые страхи: а ну как сожгли рассаду? Вдруг рис перестанет расти?

«Лишь бы урожай был не хуже прежнего, и то ладно», — вот о чём втайне думало большинство.

Когда Ли Чжоучжоу с мужем, неся корзинку с гостинцами, вышли за ворота, им по пути встретилось немало односельчан.

— Учёный Гу, Чжоучжоу! Куда это вы собрались?

— Решили проведать дом тестя, — ответил Ли Чжоучжоу.

Теперь в его голосе звучала уверенность. Он во всём слушался мужа, а Гу Чжао наставлял его прямо: в доме Гу нужно держаться с достоинством и даже некоторой суровостью, иначе их обоих затрут. Особенно это было важно сейчас, когда юноша готовился к экзаменам — нельзя было давать мачехе ни малейшего повода для интриг в будущем. Чжоучжоу не боялся тяжелого труда, но если что-то угрожало благополучию его супруга, он был готов стоять до конца.

Сельчане, поначалу удивлявшиеся тому, что Чжоучжоу называет семью Гу «тестем и тещей», давно к этому привыкли. Тем более что сам Учёный Гу ничуть не сердился, а лишь с любовью сжимал руку своего партнёра.

— Учёный Гу, взгляни-ка, — окликнул их один из стариков, указывая на свое поле. — Как по-твоему, хорош ли рис? Здесь я всё сделал по твоему способу, но что-то пока не вижу никакой разницы.

— Дядюшка, — улыбнулся Гу Чжао, — я в земледелии человек случайный, глаз у меня не так наметан, как ваш. Не волнуйтесь раньше времени, придет пора жатвы — тогда и увидим результат.

— Твоя правда, — вздохнул старик, — да только на сердце неспокойно. Ладно уж, ступайте.

Стоило им покинуть деревню Сипин, как приветственные выкрики смолкли. Гу Чжао отметил про себя, что, несмотря на все тревоги, крестьяне не пытались давить на него или винить в чем-то — то ли авторитет старосты помог, то ли их собственная природная честность. Впрочем, Ли Да уже подтвердил: рис на их собственных полях наливается на диво хорошо, а значит, смесь работает как надо.

В деревню Дунпин они вошли как раз в обеденное время. Улицы были пусты — семьи собрались за закрытыми дверями, что избавило путников от необходимости обмениваться бесконечными любезностями.

Ворота дома Гу Сы также были заперты. Гу Чжао постучал, и спустя минуту послышался топот Те-даня. Мальчишка распахнул дверь, даже не успев вытереть жирные губы — судя по всему, на обед сегодня было мясо. Увидев старшего брата с супругом, он впопыхах крикнул слова приветствия и тут же бросил взгляд назад, боясь, что Хэ-тоу съест его долю.

— Ступай доедай, я сам закрою, — мягко сказал Гу Чжао.

— Ага! — Те-дань со всех ног бросился к дому, откуда уже доносился резкий голос Ли Гуйхуа:

— Кто там еще притащился не вовремя? Небось учуяли запах жаркого и пришли кусок выпрашивать!

Мачеха явно рассчитывала пристыдить какого-нибудь соседа, но Те-дань, запихивая в рот очередную порцию риса, невнятно пробормотал:

— Это старший брат с невесткой.

В доме мгновенно воцарилась тишина.

Когда Гу Чжао и Чжоучжоу вошли в горницу, семья как раз заканчивала трапезу. В грубых мисках остались лишь ошметки капусты и огурцов — мясо было сметено подчистую. Лица Хэ-тоу и Те-даня блестели от жира. Глава семейства, Гу Сы, сидел в стороне и неспешно потягивал чай.

Ли Гуйхуа, быстро вытерев рот, поднялась навстречу гостям с натянутой улыбкой:

— Ах, какая досада! Мы ведь не знали, что вы придете. Отец ваш с утра всё твердил, как по мясу соскучился, вот я и нажарила целую сковороду с салом. Знай мы заранее — непременно бы дождались. А теперь, видите, и угостить-то нечем...

Скрытый смысл был ясен: «Мяса нет, обед закончился, так что вежливо скажите, что не голодны, и уходите».

— Если в закромах еще осталось сырое мясо, я сам могу его поджарить, не утруждая матушку,
— с безмятежной улыбкой отозвался Гу Чжао.

Улыбка на лице женщины на мгновение застыла. Она не знала, что ответить, а тут еще маленький Хэ-тоу, не почуяв подвоха, радостно вскрикнул:

— Да, я не наелся! Хочу еще! Брат, приготовь и на меня тоже!

Ли Гуйхуа, стиснув зубы, чувствительно отвесила сыну подзатыльник:

— Жрешь как не в себя, прорва! Нет у нас больше никакого мяса, всё съели!

Гу Чжао, впрочем, и не собирался посягать на их запасы. Ему важно было сразу поставить мачеху на место, чтобы та не смела обращаться к ним с чрезмерными просьбами.

— Мы с Чжоучжоу пообедали перед выходом, так что не голодны. Это я так, пошутил, — миролюбиво добавил он.

— Ну и славно, — хозяйка дома заметно расслабилась и снова засуетилась. — Сейчас чаю налью. У нас и финики свежие есть, угощайтесь.

Она прибрала посуду и унесла её на кухню. Те-дань побежал помогать матери. В это время в комнате на кане проснулся и громко заплакал младенец. Гу Сы даже бровью не повел, продолжая пить чай; лишь когда крик стал совсем невыносимым, он нетерпеливо окрикнул жену по имени.

— Пойду посмотрю? — предложил Ли Чжоучжоу. Видя, что свекровь разрывается между делами, он решил помочь — в конце концов, присмотреть за ребенком было несложно.

Старшему Гу было всё равно, кто успокоит младенца, лишь бы тот замолчал.

— Я с тобой, — кивнул Гу Чжао.

Младенцу было восемь месяцев. Он рос крепышом — мачеха явно не жалела для него еды. Стоило гостям подойти к кану, как ребенок замолк. Он уставился на пришельцев своими большими любопытными глазами, засучил ножками, а потом вдруг скривил рот и снова залился плачем.

— В чем дело, муж? — растерялся Чжоучжоу. Своего опыта у него не было, и он с мольбой посмотрел на Гу Чжао.

— Может, мокрый? Или проголодался? — предположил тот. — Давай-ка проверим.

Ли Чжоучжоу не решался прикоснуться к ребенку — привыкший к тяжелому крестьянскому труду, он боялся не рассчитать силы и ненароком повредить крохе. Гу Чжао сам откинул пеленку, и характерный запах не оставил сомнений.

— Чжоучжоу, подай чистый лоскут. Кажется, малец наделал дел.

Пока супруг неловко, но нежно менял пеленки, Ли Чжоучжоу заворуженно наблюдал за ним. Стоило процедуре закончиться, как младенец довольно заулыбался.

— Хочешь подержать? — Гу Чжао протянул ребенка мужу.

Юноша осторожно, с замиранием сердца принял теплый комочек. Малыш в его руках весело заагукал.

«До чего же славный», — подумал Ли Чжоучжоу.

В комнату вбежала Ли Гуйхуа, вытирая мокрые руки о передник. Увидев мирную картину, она замедлила шаг и заговорила тише:

— Уснул Гоу-дань? Давайте его мне.

— Кхм, — громко откашлялся Гу Сы.

Мачеха поняла: это знак не забывать о деле. Уложив спящего сына, она вынесла вазу с вымытыми финиками и чай.

— Угощайтесь. В этом году финики уродились сладкие-пресладкие. В дорогу я вам целую корзинку соберу.

— Благодарю, матушка, — вежливо ответил Ли Чжоучжоу.

Ли Гуйхуа начала издали: сокрушалась о том, как тяжело поднимать детей, как много забот свалилось на их плечи... И наконец перешла к главному:

— По деревне слухи ходят, будто у вас в этом году урожай небывалый. Говорят, налог зерном заплатили — почти два дань! Неужто и правда собрали тридцать шесть дань с девяти му?

— Чистая правда, — подтвердил Чжоучжоу, следуя наставлениям мужа. — Зима была снежной, да и удобрения помогли. Большую часть зерна мы уже продали — нужно платить за обучение Гу Чжао. Бумага, тушь, кисти... всё нынче дорого. Да и подношения учителю — немалый расход.

Мачеха сочувственно закивала, собираясь продолжить в том же духе, но Гу Сы не выдержал:

— Что это за удобрение такое? Неужто от него и впрямь земля так родит?

— Именно так, — вступил в разговор Гу Чжао. — Для суходольных полей нет ничего лучше золы от сожженной стерни. При вспашке она уходит в землю, а весной, когда снега сойдут, нужно еще раз подкормить. Смесь навоза, мочи и золы, разбавленная водой — не бойтесь, если будет жидко, лейте смело.

— Сам до этого додумался? — прищурился отец.

— Вычитал в книгах, — кивнул Гу Чжао. — Рассказал отцу Ли, тот решил попробовать. Мы и не чаяли, что так хорошо выйдет.

Отец на мгновение задумался, соображая, когда это сын успел с ним посоветоваться, а потом вспомнил: теперь «отец» для Гу Чжао — это Ли Да. В душе старика шевельнулось странное чувство, но он тут же его подавил.

Гу Чжао вкратце описал и способ для заливных полей, добавив, что они сами пробуют его впервые и о результатах можно будет судить только после жатвы. Ли Гуйхуа тем временем расцвела в улыбке:

— Чжао-эр, ты человек ученый, грамоте обучен. Не дашь ли нашему Гоу-даню имя настоящее, красивое?

Получив от семьи Ли восемнадцать лянов, Ли Гуйхуа поначалу думала отдать Хэ-тоу в школу. Но потом забеременела, пришлось расширять дом, родился младший... Все эти траты заставили её передумать насчет среднего сына. Теперь она решила: сначала построят крепкий дом, а через несколько лет отправят учиться уже младшего. Тратить деньги на услуги Учителя Чжао ей было жалко, а тут подвернулся собственный пасынок.

Пусть у Гу Чжао и не было еще чина, но он всё же читал умные книги — явно придумает что-то получше, чем простые крестьяне.

— Отчего же не дать? — легко согласился Гу Чжао.

Он не стал спрашивать Ли Гуйхуа, чего она желает для сына — и так ясно, что не простого здоровья, а богатства и высокого положения. Поразмыслив, он предложил несколько имен,

сулящих блестящее будущее. Мачеха выбрала «Гу Чэнь».

— Вот это хорошо! Он ведь и родился на рассвете, когда солнце только взошло. Будет наш Гоудань теперь Гу Чэнем. Будет человеком видным!

Вскоре Чжоучжоу и Гу Чжао начали собираться. На прощание хозяйка дома, сияя от радости, наполнила их корзину финиками и проводила до ворот:

— Скоро дом начнем перестраивать. Как закончим — придем Те-даня за вами, на новоселье пригласим!

— Хорошо, — пообещал Чжоучжоу.

Проводив их, Ли Гуйхуа довольно подумала:

«Как хорошо всё сложилось! Не пойдя Гу Чжао в примаки, пришлось бы нам и дальше на его учебу тратить. А теперь мы и мясо едим, и дом новый строим, а все расходы несет семья Ли».

Она слышала слова городских чиновников о том, что у Гу Чжао нет будущего в науке, и лишь посмеивалась над наивностью Ли Чжоучжоу, который продолжал верить в своего мужа.

Дни потекли своим чередом. Ли Чжоучжоу принес в дом еще одного поросенка и десяток цыплят. Гу Чжао не возражал и даже начал помогать супругу с кормлением скотины.

— Не нужно, муж, — мягко журил его Чжоучжоу. — Твое дело — книги читать. Сейчас в поле работы мало, я со всем сам управляюсь.

Гу Чжао пришлось согласиться. В последнее время он и впрямь слишком много сил отдавал хозяйству. В июле Учёный Чжу вернулся из столицы округа и привез две рукописные книги, а также свои собственные заметки. Учёный Гу был бесконечно благодарен и провел целый вечер в беседах со старшим товарищем. Учёный Чжу отметил, что база у младшего крепкая, но ему не хватает гибкости мышления — без этого на экзаменах в следующем году делать нечего.

Гу Чжао и сам не торопился. Он решил посвятить этот год подготовке и попробовать свои силы еще через год. Теперь он девять дней в месяц проводил у учителя Чжао, чьи знания были основательными и глубокими. Вместе с внуком учителя, Чжао Цзэ, Гу Чжао заново штудировал основы классического канона.

Среди книг, привезенных Учёным Чжу, были «Рассуждения о пользе государству» великого мыслителя Дали. Считалось, что эта книга открывает разум и помогает в написании трактатов.

Император Канцзин весьма ценил этот труд, и он был обязательным для изучения во всех академиях.

Книга была небольшой, всего семь глав. Основная мысль заключалась в том, что «народ — это основа». Автор воспевал мудрость основателя династии, установившего низкие налоги, и восхвалял нынешнего императора Канцзина за его труды на благо страны. Впрочем, в тексте встречались и осторожные предостережения: мол, налоги сейчас в самый раз, выше поднимать нельзя.

Автор также касался торговли и клеймил продажных чиновников, сравнивая их с вредителями, подтачивающими корни государства. Его слог был мастерским: он умело сочетал лесть с глубокими личными наблюдениями.

Гу Чжао особенно заинтересовала глава о торговле. Несмотря на то что торговцы традиционно стояли на низшей ступени сословий, автор признавал их ценность и предлагал упростить некоторые подати. Впрочем, судя по тому, какие главы выделял Учёный Чжу и другие наставники, император Канцзин предпочитал «золотую середину» и к торговле относился свысока.

Для сдачи экзамена на звание сюэя Гу Чжао решил не оригинальничать, а следовать общему течению, делая упор на важность земледелия.

Юноша погрузился в чтение. Заметив у него «Рассуждения о пользе государству», учитель Чжао долго не выпускал книгу из рук, а потом попросил внука переписать её. Гу Чжао не возражал, хотя книга обошлась ему в полтора лян серебра. Он понимал: знаниями нужно делиться.

Маленький Чжао Цзэ, в свои девять лет, был не по годам серьезен. Вся надежда семьи была возложена на его хрупкие плечи. Мальчик учился не покладая рук: даже за обедом мать едва ли не с ложечки кормила его, чтобы он не отрывался от чтения. Гу Чжао никогда не видел его играющим или смеющимся.

Учитель Чжао, чувствуя себя немного должным за книгу, пригласил Гу Чжао отобедать с ними, но тот вежливо отказался. Гнетущая атмосфера в доме учителя не способствовала пищеварению — куда приятнее было поесть дома.

Весь месяц Гу Чжао зубрил «Рассуждения», заучивая целые главы наизусть, включая и самые витиеватые славословия императору. Он рассудил так: если на экзамене закончатся собственные мысли, всегда можно блеснуть классической цитатой.

И вот наступило время жатвы. Рис на заливных полях созрел.

Крестьяне, использовавшие удобрение, с каждым днем становились всё спокойнее. Ли Да, как опытный хлебороб, потрогав тяжелые колосья, уже понимал — урожай будет добрым.

Рис созревал на полмесяца раньше проса, так что крестьяне надеялись успеть убрать его до начала основных работ на сухоходельных землях. Просо в деревне выращивали понемногу, лишь для собственных нужд, боясь истощить землю перед посевом пшеницы. А вот рис — дело иное, он ценился на вес золота.

В начале октября жатва началась.

— Ну что там? — переспрашивали друг друга сельчане. — У тебя ведь поле удобрено? Есть толк?

— Начнем косить — увидим. Пока вроде колосья как колосья.

Тётушка Ван тоже извелась. От волнения у неё даже вскочила простуда на губах. Она до последнего твердила, что Ли Чжоучжоу задумал недоброе, но теперь втайне молила Небеса, чтобы способ оказался рабочим. Перед лицом живых денег все старые обиды отступили на второй план.

Первым жатву начал староста. В прошлом году его поля давали около двух дань и трех доу с одного му — примерно двести шестьдесят цзиней. Он решил скосить один му на пробу на пару дней раньше срока, чтобы подать пример остальным.

На поле старосты собралась почти вся деревня. Крепкие парни вызвались помочь, и тот с радостью согласился. Пока молодежь работала серпами, он сидел в тени и попивал чай.

Работа спорилась. Вскоре рис с одного му был собран. Сельчане обступили молотилку, установленную на площадке Дабаба. Зерна в коробе становилось всё больше и больше.

— Неужто это всё с одного му? — ошеломленно шептались те, кто не использовал подкормку.

Староста и сам не мог усидеть на месте. Он видел: зерна насыпалось небывало много.

— А ну, весы несите! Живо!

Те, кто удобрил свои поля, довольно ухмылялись, ожидая подтверждения своей победы. Сын старосты с замиранием сердца установил весы и, округлив глаза, заплетающимся языком выдохнул:

— Батюшка... четыре дань и один доу!

— Что?! — площадь взорвалась криками.

Четыре дань и один доу с одного му! Раньше пределом мечтаний были два дань и пять доу — чуть больше трехсот цзиней. А теперь выходило все четыреста двадцать! Люди не верили своим ушам.

Один из тех, кто отказался от метода, сам проверил точность весов. Соседи окружили его: «Ну что там? Правда четыре дань?»

Человек лишь хлопнул себя по бедрам и с досадой выкрикнул:

— Ох, и дурак же я! Ведь хотел же записаться на три му! И в списке был! Так нет же, матушка уперлась — мол, погубишь землю... Так и не пустила меня за порошком!

После этих слов сомнений не осталось ни у кого. Четыре дань и один доу — это была истина.

Те, кто рискнул, теперь сияли от счастья и рвались в поле. Отказавшиеся же кусали локти. Кое-где даже вспыхивали ссоры.

Староста, глядя на свои полные закрома, довольно разгладил морщины на лице. Заметив, что страсти накаляются, он прикрикнул на спорщиков:

— А ну, будет вам! Сами решили — сами и виноваты. В следующем году наверстаете.

Многие крестьяне, опасаясь, как бы завистники не испортили урожай под покровом ночи, решили спать прямо в поле. Муж тётушки Ван тоже устроился на меже, заодно приглядывая и за полями Ли Да. Он понимал: если бы не эта семья, не видать им такого богатства. Один му теперь давал столько, сколько раньше давали два!

И опасения были не напрасны. Муж тётушки Ван заметил какую-то тень, крадущуюся к чужому полю, и прикрикнул — воришка тут же бросился наутек. После этого случая деревня решила не ждать: рис начали косить все разом. Пока зерно не попало во двор — на сердце не было покоя.

Жатва на десяти му Ли Да прошла на удивление легко. Гу Чжао хотел было помочь, как во время уборки пшеницы, но не успел — в дверь постучали.

На пороге стоял младший сын старосты, крепкий и загорелый парень.

— Батюшка велел передать, — широко улыбнулся он, сверкая белыми зубами. — У нас всего четыре му удобренных осталось, мы и втроем управимся. А у вас земли много, так что я пришел помочь. Учёному Гу негоже спину гнуть, пусть лучше книги читает.

Ли Да с благодарностью принял помощь. С такой поддержкой они управились за два дня. Пришли помогать даже те, кто весной отказался от новшества. В итоге Ли Чжоучжоу даже не пришлось выходить в поле — он только и успевал, что готовить обеды на всю ораву.

В деревне, конечно, завидовали хозяину Ли: у того ведь все десять му были удобрены! Но люди помнили: Гу-шулан открыл им этот секрет даром.

Урожай на всех обработанных полях был примерно таким же, как у старосты. Ли Да и его зятю кланялись теперь в пояс, и на этот раз — от чистого сердца. Хлеб в закромах — лучший довод.

Даже госпожа Тянь однажды заглянула к ним и сунула Чжоучжоу несколько яиц. Смущенно отводя глаза, она пробормотала слова извинения за прежние обиды и даже в шутку шлепнула себя по губам.

— Все обиды в прошлом! — воскликнула она, сияя. — Теперь-то я точно смогу справиться Да-ню достойную свадьбу!

Рис сушился во дворе, потом его обмолотили и насыпали в мешки. Ли Да в одиночку убрал два му проса. Глядя на гору мешков, которые уже не вмещались в сарай, он довольно крикнул и велел Чжоучжоу:

— Заруби-ка к вечеру петуха. Нужно Гу Чжао как следует подкрепить, ох и натрудился он с этими книгами!

Гу Чжао лишь улыбнулся.

На ужин сегодня был петух.

<http://bllate.org/book/15349/1422144>